

Dear Friend,

18+

I am David Bowen, Chief Inspection Officer, United Nations Diplomatic Cargo Inspection Facility at Gatwick International Airport London United Kingdom . During my inspection, I discovered a 12months abandoned shipment in our Cargo facility here. Having being abandoned for so long, I decided to scan the shipment to examine its content. The scan revealed an undisclosed sum of money in a Metal Trunk weighing approximately 180kg. I believe the consignment was abandoned because the content was not properly declared to the consignee as money in order to avoid diversions. Further investigation I conducted has revealed that the money originated from one of our consignors who chose to send the money to you. I believe the money must have been looted from his country's treasury.

МИХАИЛ ОМЕЛЬЧЕНКО

СПАМ

On my assumption and estimation, the box contained Four or Five million American money in One Hundred dollar bills neatly packed and sealed in the Metal Trunk Box revealed by the high resolution scan I conducted. The details of the consignment including name and the official documents from United Nations diplomatic office are still tagged to the Metal Trunk Box. Neither I nor anyone can unilaterally remove this luggage from here without having any person who can stand as the recipient. Since the original recipient has a similar name with you, I intend to raise a new shipping document using the particulars on the luggage to reassign the luggage to you as the original recipient.

Михаил Омельченко

Спам

«Издательские решения»

Омельченко М.

Спам / М. Омельченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855835-1

Спам — незапрошенные электронные сообщения, бесконтрольно рассылаемые по Сети. Кто за ними стоит? Те, кому нужны ваше внимание и время, ваши данные и деньги. И ваша жизнь.

ISBN 978-5-44-855835-1

© Омельченко М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Спам

Михаил Омельченко

© Михаил Омельченко, 2024

ISBN 978-5-4485-5835-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В последнее время я все чаще задавался одним вопросом: правильно ли я поступил? Необъяснимое навязчивое желание хоть что-то изменить в своей привычной, накатанной и потому пустой жизни – как зуд, избавиться от которого хочется простым и естественным движением. Беда лишь в том, что одно спонтанное решение может запросто повлечь за собой череду закономерных событий и необратимых последствий.

Необратимых? Ну да. Во всяком случае, теперь я не представлял, как выбраться из дурацкой ситуации, в которой оказался. Или, если быть более точным, сам себя и загнал.

Черновик был готов. Неожиданная для всех, безумная идея, захватившая меня, наконец-то обратилась в конкретные слова и прочно легла на бумагу. Теперь рукопись можно было подержать в руках, перелистывая в поисках ошибок. Или отдать кому-нибудь на суд, справедливый или не очень. А еще ее можно было сжечь, глядя, как прахом идет работа нескольких месяцев. Какая разница, ведь то, что в итоге получилось, все равно вызывало у меня какие-то неправильные, странные чувства.

Постепенно обрастая собственной плотью, книга все больше становилась похожей на цветастое лоскутное одеяло, где каждый кусок воспринимался по отдельности. Я прекрасно помнил, как и когда каждый из них был написан, вполне внятно мог объяснить, что переписывал и почему. Но все фрагменты по непонятной причине существовали сами по себе, не желая соединяться в целое. Любые ухищрения в попытках придать тексту общую структуру и естественную, на мой взгляд, форму неизменно заканчивалось крахом. Текст перекашивался и начинал жутко раздражать. Потом приходилось все исправлять, тратя немало усилий, чтобы восстановить если не прежний, то хоть какой-то порядок. Только от мыслей о швах и стежках избавиться было невозможно. Казалось бы, убери лишнее и вставь недостающее...

Первое время я считал, что это всего лишь сомнения. Естественные сомнения автора, который с самого начала следит, как задуманное им растет и меняется. И не просто меняется – оживает, а для правильной оценки мне не хватает только одного – свежего взгляда со стороны.

Но чем глубже я вникал в собственную писанину, тем больше убеждался, что упустил нечто важное. В какой-то момент я был готов вернуться к изначальной идее, и все переписать, пока не понял, что дело вовсе не этом.

Я всю жизнь занимался только переводами и привык иметь дело с уже написанными книгами. Хороши они были или плохи, но они были окончены, признаны и не требовали от меня особого осмысления. Я брал готовый текст и не отступал от него ни на шаг. Писал то же, но другим, понятным и близким мне языком.

А тут с нуля нужно было все создавать самому, и одной только идеи для этого было маловато. Детектив? Хорошо. Есть герой? Хорошо. Драки, перестрелки – хорошо. Но как это оживить и сделать интересным?

Я был уверен, что, возмись за эту идею кто-нибудь другой, он бы точно выжал из нее все. Мне же чего-то не хватало. Воображения, писательского опыта и даже простых слов, без которых, как ни крути, выйдет такая несуразица, фальшивая и нелепая, что самому будет и стыдно и тошно. А мне-то хотелось большего. Мне хотелось всех их заткнуть.

И первые страницы отправились в мусорное ведро. Простенький детективчик, легко задуманный, в итоге оказался неподъемным камнем. Настоящей глыбой, к которой я даже не знал, как подступиться, не то что сдвинуть.

Но сдаваться не хотелось. Сдаваться было унижительно и стыдно. И что же я сделал? Сбежал. Вместо того чтобы найти выход, наспех собрал вещи, наплел Anne какой-то ерунды и умотал на съемную квартиру. Муки творчества? Черта с два. Я просто струсил. И до сих пор ищу себе оправдание.

А куда было деваться? Работе мешало все, и все раздражало. Шум, звонки, и в особенности это постоянное чужое присутствие. Присутствие человека, который все время от тебя чего-то ждет. И не каких-то великих свершений, а того, что ты сейчас, сию же минуту, вынесешь мусор.

И так изо дня в день. Каждый день. Я словно спал, и из этого сна хотелось поскорее вырваться. Но наступало чертово утро, и все повторялось. Все, вплоть до мелочей. С убийственной точностью. И чего было ждать от такого дня? Ничего. День уже был обречен на то, чтобы закончиться той же пустой страницей. Или жиденькими строчками, если, конечно, повезет.

В итоге я потерял уйму времени, не зная, что делать. А переехав, получил всего лишь небольшую отсрочку. Я это хорошо понимал и взялся за дело с особым усердием, не отвлекаясь ни на что. Да тут и отвлекаться было не на что: пустая квартира, голые стены и две дорожные сумки с вещами. Сумки, которые я привез с собой и которые стояли в углу, у окна, напоминая, что я здесь ненадолго.

Ненадолго меня и хватило. Все закончилось раньше, чем я думал. Запал иссяк к концу второй недели, а дальше пошло по наклонной. Я все меньше писал и больше читал, пытаюсь что-то нащупать. Но, как часто бывает, решив одну проблему, ты создаешь себе другую, с которой тоже, хочешь не хочешь, нужно что-то делать. Здесь было, конечно, комфортней, но мне опять чего-то не хватало.

А ведь будь у меня дома кабинет, все сложилось бы, наверное, по-другому. И не пришлось бы мыкаться по углам. Уж я бы обставил его так, что и выходить бы не хотелось...

А что? Найти в интернете фотографии известных международных террористов и преступников помельче – совсем не проблема. Добавить к ним газетных вырезок с подходящими заголовками. А еще лучше раздобыть хорошую подборку криминальной хроники по громким преступлениям. Разложить и развесить их повсюду. На полках форсайты-флеминги-конан-дойлы и, конечно, яркие глянцевые альбомы всевозможного стрелкового и холодного оружия.

Простые книги и настоящие фетиши. То, что можно прочесть или взять в руки и подержать. Привыкнуть как следует и даже прицелиться, чтобы проклятое воображение сработало наверняка, без осечки, – дорисовало руку того, кто держал это оружие до меня. И цель. Живую.

Мне нужна была «порода». Или что-то в качестве таковой. То, из чего будут появляться слова. Точные и острые, живые и настоящие. Такие, чтобы зацепили. Не хуже чужих, но свои собственные. А пялиться часами в чужие книги ради единственной мысли, которая, так и не оформившись, ляжет кверху лапками, как прошлогодняя муха за створкой окна в пыли и паутине, было невыносимо.

Мне оставалось только одно. Чтобы хоть как-то подстегнуть себя и получить свежую порцию эмоций, я две недели подряд наливался купленной впрок водкой. Стопка за стопкой, почти по часам, как лекарством. Не ради удовольствия и не от безысходности. А только для того, чтобы поддержать в себе это странное обманчивое состояние, в котором сознание непривычно меняется, раздвигая прежние рамки, и с души словно снимается груз условностей и внутренних табу.

Правда, в таком состоянии можно было запросто сбиться с нужной мысли и выйти далеко за пределы предписанной реальности. После чего уже на трезвую, когда алкоголь отступал,

приходилось садиться и вычеркивать лишнее. Слово за словом выбираться из дебрей весьма сомнительных и потому не нужных жизнеописаний. Это было не легче, чем написать все с нуля, и отнимало столько сил и времени, что хотелось все бросить. Но это означало признаться в своей творческой несостоятельности, а на такое я был не согласен.

Возможно, все мои проблемы были связаны с тем, что я выбрал не ту тему. И писал о том, о чем имел лишь поверхностное представление. Но, как бы то ни было, столкнувшись с очередной проблемой и бросая в сердцах работу, я, выждав немного и остыв, опять к ней возвращался. Снова и снова, сцена за сценой, до самого финала.

Я закончил книгу три дня назад. Точнее, закончил черновик, но это все равно означало, что мне больше нет нужды корпеть над сюжетом, изо всех сил стараясь выжать из него еще хоть что-то. Все было высчитано, выверено и перепроверено не раз. События были взаимосвязаны и последовательны, а герои действовали в полном соответствии с ситуациями, в которых оказывались. При этом они имели каждый свои четкие индивидуальные черты и были вполне узнаваемы.

Но едва я начал перечитывать первый абзац, написанный три-четыре месяца назад, как сразу понял: ничего я не закончил. То, что в свое время казалось довольно удачным и интересным, теперь выглядело неубедительно и несерьезно. Сцены были банальными и чуждыми. В них чего-то не хватало. Герои жили не собственной жизнью, а будто чего-то ждали от меня.

Я не знал, как решить проблему, но и оставить все как есть тоже не мог. Поэтому третий день маялся, тупо глядя в потолок или перелистывая книгу в поисках того, что сдвинуло бы дело с мертвой точки. В конце концов, я просто засыпал...

Было уже темно, когда раздался телефонный звонок, вырвавший меня из небытия. Неожиданный и потому особенно неприятный. Спросонья я даже не подумал, кто это может быть. Машинально взял трубку и тут же пожалел об этом.

– Глеб?

Голос я, конечно, узнал, и ничуть ему не обрадовался. Нужно было сразу бросить трубку. Но что-то во мне не сработало, видимо, от резкого пробуждения, и я хрипло буркнул:

– Вы ошиблись.

Сбросив звонок, я посмотрел на часы. Было двенадцать минут девятого. Я включил торшер, откинул одеяло и, зевая и потягиваясь, сел. На полу валялась «Алхимия слова» Парандовского, которую я, видимо, штудировал перед сном. Точнее, читал, чтобы не уснуть раньше времени. Падая, книга захлопнулась, и сказать теперь сходу, на чем я там остановился, было затруднительно.

Тут же перезвонили. Не было особой нужды проверять, кто именно, но я, конечно, не удержался и глянул. Лаконичное «Антон» говорило само за себя.

Этот звонок был из другого мира, который не желал оставлять меня в покое и даже здесь настойчиво напоминал о себе. Я посидел немного в неприятном со сна желтом полусвете, постепенно приходя в себя и размышляя над тем, что же ему на самом деле нужно и сколько еще все это будет продолжаться. Я думал об этом минут пять, не меньше, но так и не нашел ответа, который бы мне понравился и при этом не выходил бы за рамки действующей реальности.

Конечно, ему было нужно только поговорить. Но этот разговор в любой момент мог пойти по чужому, незапланированному мной сценарию, а к этому я сейчас был совершенно не готов.

Отложив телефон и глубоко вздохнув то ли со сна, то ли с досады, я разыскал на столе среди бумаг пульт и включил старый обшарпанный телевизор, который перетащил из кухни. На экране появился тип в мятой шляпе, сдвинутой на затылок, который сосредоточенно

копался в вещах, явно ему не принадлежавших. Жменя чего-то вызывающе кружевного в одной руке и розовое скромное – в другой. Видно, что последнее интересует его больше, хотя и непонятно почему. Ну и кто он, маньяк или детектив? После небольшой паузы добыча полетела в корзину, а на грубом лице отразилось явное разочарование. И все стало на свои места.

Сцена была откровенно так себе. Такая, что я вряд ли бы стал описывать нечто подобное в собственной книге. Но во мне что-то сработало. Что-то на уровне подсознания. И большой палец рефлекторно задергался в поисках кнопки авторучки, которую я только что видел где-то на столе.

Сон как рукой сняло, и сразу вернулось настроение. То, которое меня нечасто баловало, а в последнее время и подавно. Это трудно было с чем-то спутать и грех упускать. Грех и настоящее расточительство.

Сдвинув одеяло в сторону, чтобы не мешало, я взял ручку, листок из тетради в клетку и, подложив для удобства книгу, принялся записывать. Все, что происходило на экране.

Начав с простого описания сцены, как обычно, я стал дополнять ее собственными комментариями и новыми, даже для себя неожиданными смачными подробностями. Это у меня всегда неплохо получалось, особенно когда приходилось переводить что-то совсем уж скучное и примитивное.

Стараясь поспеть за мыслью, я набрал такой темп, что слова сами собой нещадно сокращались, буквы коверкались и оставалось только надеяться, что потом все это можно будет разобрать.

Вышло что-то около страницы. Ерунды, конечно. Это был преимущественно мусор, который я и не думал куда-нибудь втискивать. Но это было хоть что-то. Во всяком случае, больше, чем я сделал за весь сегодняшний день. Да и за вчерашний, если честно.

А сцена уже сменилась, и теперь мой подопечный с удивительной покорностью принимал размашистые зуботычины от лысого здоровяка, появление которого я за писаниной пропустил. Не иначе, как за то самое бельишко.

Нет, ну кто так бьет? Разве так бьют? Как будто не убить хочет, а, наоборот, в чувства привести. Замах. Удар. Замах. Удар. Я за это время зевнуть успею. А этот?..

Я ждал, рассчитывая повторить свой творческий подвиг, но почувствовал, что настроение уходит, а вместе с ним и мысли, и вздохнул. Все, приехали. Было желание запустить чем-нибудь о стену. Для разрядки.

Давно я заметил, что если как следует разозлиться, то работа идет куда веселей. Никаких лишних мыслей. А те, что есть, четкие и внятные. Достаточно внятные, чтобы с ними можно было работать. Но как управлять всем этим, я понятия не имел.

Я уже взял пульт, но, покрутив его в руках, просто переключил канал. Ну, разобью я его вдребезги, и что это изменит?

Сам виноват. Привык выезжать за счет других. Привык подсматривать и подражать. Настолько привык, что разучился думать сам и смотреть на вещи по-своему. Увяз в этом и даже перестал получать от увиденного и прочитанного удовольствие. Начал искать в чужом слабости и ошибки. А ведь сам до сих пор даже на такое не способен.

Новости, музыка, реклама, детская передача, снова музыка. Я смотрел все подряд и щелкал пультом сразу, как только до меня начинал доходить смысл увиденного. Дальше. Дальше. Дальше. Этот калейдоскоп действовал на меня гипнотически, но круге на третьем я понял, что пора бы остановиться.

Это были новости экономики. Ведущий, мужчина лет сорока, – в деловом костюме, живое воплощение образа успешного бизнесмена, – стоял у какого-то графика и водил руками, так что происходящее на экране сильно смахивало на прогноз погоды. По крайней мере, линии графика в целом соответствовали перепадам температуры, которые случились за последние,

ну, скажем так, недели две. В общей динамике и конечном направлении. По большей части вверх.

Хотя про погоду там, конечно, не было ни слова. Мужик открыто и без затей делился секретами доступного счастья. Как быть богатым, успешным, жить на широкую ногу и ни от кого при этом не зависеть. А это, черт побери, очень здорово – ни от кого не зависеть. Оказывается для этого не нужно ничего делать, только купить и продать. Зато какие перспективы на будущее. Просто сказка. Тебе бы пылесосы продавать, мужик. В супермаркете.

Я не люблю чужие советы. И неважно, из какой области и от кого они исходят. Но сейчас честно попробовал вникнуть в суть того, о чем шла речь. Наверняка это были вещи не просто логичные, но и научно обоснованные, подтвержденные какими-нибудь формулами и расчетами. Ведущий говорил довольно убедительно, и чувствовалось, что он неплохо разбирается в теме. Но надолго меня не хватило. Через минуту стало невмоготу, и, плюнув на все, я отправился на кухню – размяться и вдумчиво перекусить. А потом я собирался еще немного поработать.

Чайник, расписанный крупными красными цветами, я поставил греть на плиту. Потом достал из холодильника масло, сделал бутерброд и стал у окна, прислушиваясь, как потихоньку начинает закипать вода.

Сумерки давно подмяли под себя двор и окрестности, так что за окном ни черта было не разобрать. Только горевшие окна дома напротив и силуэты там, где шторы были не задернуты.

Уныло, но отсюда и днем вид не лучше. Ни деревьев, ни кустов, ни клумб с цветами. Ничего, что сделало бы пейзаж за окном привлекательным. Одни пучки колючего сухостоя да заросшие сорняком песочницы, которые уже давно приспособили под свои нужды домашние питомцы. А еще уродливые конструкции, сваренные из остатков водопроводных труб и растрескавшийся, как необожженная глина, асфальт. И все выглядит так, словно строительный мусор отсюда не вывозили, а притоптали, кое-где присыпав землей. Мертвой землей, на которой дома, как и люди, в этом городе держат дистанцию, чтобы оставаться друг от друга подальше.

Тем, кто здесь живет, плевать на вид из окна. Все привычно. Двор как двор. Такой же, как все, абсолютно такой же. У этих людей другие заботы. Каждое утро вставать ни свет ни заря и мчаться, может не позавтракав, на работу на другой конец города, заражаясь по пути – в пробках и в толпе – новым, пока еще не изученным вирусом остервенелого пофигизма и молчаливо выплескивая на других негатив. А потом весь день изображать высокий дух корпоративного единства, как будто нет в этой жизни ничего более важного, чем делать работу, глобальный смысл которой вряд ли кто-то может себе объяснить.

И ради чего? Ради чего все это? Чтобы перевернуть этот мир? Или сделать его хоть чуточку лучше? Черта с два. Главное, выложившись по полной и вернувшись поскорее домой, иметь возможность слопать долгожданный гидрогенизированный ужин и такой-же по содержанию любимый сериал. Отличный вечер, если не думать, что наутро все повторится. Все, вплоть до мелочей.

Меня даже передернуло, и хорошо, что чашка, которую я держал в руке, была уже пустой.

«Он стоял на темной лестнице, на фоне чуть светлого окна, ожидая, что вот-вот на него набросится убийца. Страх тяжелыми волнами постепенно заполнял все его сознание. Он был напряжен».

Он. Был. Напряжен. Я поймал себя на том, что, сторбившись и прикусив нижнюю губу, смотрю в одну точку на стене и в такт словам щелкаю кнопкой авторучки. В точности, как одна

всемирно известная лабораторная крыса, которой в мозг, в «центр удовольствия», вживили электрод. Кончила она, между прочим, скверно. Потому что только и делала, что жала и жала на чертову кнопку, пока не померла. Жала снова и снова, забыв про сон и про еду. А под конец, наверное, и про то, что она крыса.

Черт. Я облизнул губы и бросил злополучную ручку на стол от греха подальше. Так ведь и самому слюну пустить недолго.

Страница была почти исписана. И больше чем наполовину исчеркана. Я чувствовал, что здесь нужны какие-то другие слова, но никак не мог их подобрать.

А что если вместо «чуть светлого окна» написать «едва различимого оконного проема» или даже «едва заметного»? И не «страх» заполнял, а «паника»?

Я взял ручку и осторожно, кое-как втискивая слова между строк, все записал. Прочел. Ничего вроде бы не изменилось. Зачеркнул, постепенно раздражаясь, весь абзац, и переписал его заново, пытаюсь таким образом нащупать ускользающую ниточку. Но проклятая мысль, нет чтобы поддаться хоть чуть-чуть, вообще повела себя дальше как пьяный паровоз: сбавила ход, неуверенно вильнула и... И благополучно сползла под откос. Похоже, что на этот раз уже окончательно.

Смятый лист полетел в угол, а я, чертыхнувшись, откинулся на спинку дивана, сложил руки на груди и, наверное, в стотысячный раз уставился в стену.

Господи, ну когда же я закончу эту сцену? Сколько можно? Третий день бьюсь – и все на одном месте. Пишу, что в голову взбредет, а результата ноль, просто уму непостижимо.

Нет, так дело не пойдет. Тут нужно как-то по-другому. Тут нужно, в первую очередь, понять, что в этой чертовой сцене вообще должно произойти.

Ну, вот он стоит. Так? Так. Стоит и ждет. Ладно, пусть стоит. Мне не жалко. Я даже не против. Вопрос в том, чего он там стоит? И чего, собственно, ждет? Когда на него набросятся? Когда по башке долбанут? Он у меня что, идиот?

Ладно. Пусть. Раз по-другому нельзя, то оставим это пока. Как есть. За скобками. На потом. И подумаем о другом. О том, что сама сцена здесь может быть не к месту.

Я собрался было отмотать историю назад, чтобы понять, зачем мой героический герой приперся на эту чертову лестницу и в этот дом, и действительно ли это для него важно. И почувствовал, как опять стало расползаться мое проклятое лоскутное одеяло. Знакомое и, как больной зуб, неприятное ощущение.

Все плохо. И даже хуже. Скучно. Стал бы я сам такое читать? Просто так, для удовольствия, как в детстве Конан Дойла или Жюль Верна? Да черта с два. И вовсе не потому, что сам все написал. А потому что неинтересно. Понятно, что не хватает подробностей. Подробностей и каких-то мелочей. Но вот каких?

Всем уже ясно, что он сейчас получит. И даже не просто получит, а хорошенько огребет. А он у меня, как на вокзале, стоит и не чешется. Как будто погреться зашел. Вот в чем проблема. Он ведь там не просто стоит и не просто чего-то ждет. Он знает, что в любой момент может погибнуть, и, значит, должен что-то чувствовать. А у меня он уже мертвый. И вообще там все какое-то мертвое. Так, что даже самый занюханый подъезд этого города интересней, живей моего. Почему? Да потому что настоящий!

Где его настоящие, обостренные до предела чувства? Где ощущение страха? Где вонь подъезда? Где треснувшее в форточке стекло, и голодная кошка, что ночевала здесь вчера? Нету! А ты, конечно, надеешься, что читатель сам дорисует по своему вкусу и представлению все, чего здесь не хватает. Или, может, не знаешь, как это правильно и правдоподобно описать?

А ведь есть еще умирающая старуха в квартире этажом выше, которая тебе чуть знакома. И она, и ее непутевый сын, который приходил к ней днем просить денег и ушел ни с чем, злой. Видишь след от ботинка на стене?

Этот мир не настоящий, но в нем тоже живут люди. Сотни, тысячи прошли по этой лестнице, через это самое место, и каждый оставил след. Пусть даже невидимый. Ты это видишь. А читатель? Как ему все это передать? Чтобы сцена ожила и любой бы мог в нее поверить? Поверить в то, что происходит это все в его собственном подъезде. Ну, или, на худой конец, в соседнем.

Я покряхтел и стал поправлять подушку, устраиваясь поудобнее. Наверное, мне все-таки нужен план. Подробный, правильный, исчерпывающий. Такой, чтоб сначала все выверить, взвесить, просчитать. И сразу туда по свежим следам всех этих кошек и старух, пока не очухались. Все, что нужно и без чего нельзя. А потом уже вылизывать каждую сцену до мозолей на языке. Но так, чтобы ничего не потерялось. Чтобы от первоначальной задумки уже ни на шаг. Ни в чем и ни под каким предлогом.

Как писал Флобер? Делал план, точный и скрупулезный. Такой, что выходил у него сразу почти что черновик. Увесистый, объемный и основательный, от которого, если и захочешь, не отступишь. Или вот, к примеру, Ибсен. Этот, рассказывают, гулял себе обычно в одиночестве, гулял, а вернувшись домой, записывал все на листочки. Все, что в голову приходило. И сцены, и диалоги, и характеры героев, каждую мелочь. Листочки эти он складывал по отделениям в специальную шкатулку и начинал писать только тогда, когда шкатулка полностью заполнялась. А Руссо вообще все держал в голове. И за стол садился, только когда произведение было уже готово. Он только переносил выношенные мысли на бумагу.

Все это, конечно, здорово и даже замечательно, но что делать мне? Начинать сначала? Записочки складывать? Или как Руссо? Нет, такие методы мне точно не по зубам.

А что еще хуже, какая-нибудь мелочь в самый неподходящий момент обязательно помещает и отвлечет внимание. Вроде мигающего красного огонька на передней панели нетбука. Умная техника не могла позаботиться о себе сама, и это означало, что нужно все бросить и срочно найти зарядник. А ведь сейчас самое время работать, подумал я с тоской, и оглядел комнату.

Нет, тут не записочки нужно собирать и не прогулки устраивать, а просто заставить эти бестолковые химические элементы в голове соединиться во что-то конкретное. В то, чем я буду гордиться, а остальные, несомненно, восхищаться.

Но как их заставить, если даже отдельный звук вроде скрипнувшей где-то за триста мегапарсек от моих барабанных перепонок двери или невнятного бормотания за стеной помимо воли заставляет напрягать слух. И ради чего? Только чтобы убедиться, что не почудилось.

Отвлекся на секунду, глядь, а образы и слова, собранные с такой кропотливостью, будто это канонический витраж, уже рассыпались кучей разноцветного битого стекла. И попробуй собери, как было. Хоть пальцы в кровь изрежь, но то мимолетное и легкое, что зацепило тебя однажды, не вернется уже никогда.

Здесь действуют совершенно необъяснимые с точки зрения здравого человека законы. Готье, к примеру, умудрялся писать в типографии, под шум работающих станков. И кто знает, может, именно их лязг, не похожий на звон благородных шпаг, высек автору бесценную, долгожданную искру. Во всяком случае, именно там родился знаменитый «Капитан Фракас».

Только я ведь не Готье и не Флобер. Мне, наверное, больше подошла бы пустыня или полюс. А еще лучше забраться в какую-нибудь нору, как монах отшельник, и не вылезать из нее до тех пор, пока все не будет сделано как надо.

Я так увлекся этой мыслью, что оставил на время поиски и представил себя самого. Вконец одичавшего, в каком-то тряпье и жутко заросшего, но при этом самозабвенно скребущего при свете лучины огрызком карандаша на клочке пожелтевшей бумаги вселенские откровения.

Хотя... Наверное, жутко тоскливо сидеть в земле, как какой-нибудь крот, и света белого не видеть. Без глотка свежего воздуха и без куска, опять же, свежего хлеба. Не говоря об элементарных удобствах. И это в наше просвещенное и цивилизованное время! Нет, мне такие

крайности, пожалуй, ни к чему. Уж лучше я найду другой, более гуманный способ заставить себя плодотворно работать. В конце концов, чем мое нынешнее затворничество отличается от жизни в той же норе? По сути, одно и то же.

К тому времени как зарядник нашелся, мысль о норе так крепко засела в голове, что мне ничего другого не оставалось, как добросовестно все записать. Даже, несмотря на то, что пока я не поставил последнюю точку и не положил лист на стол, где он был уже далеко не первый, меня не покидало ощущение, что все это зря.

Я собирал эти бесконечные «скорочки» – листочки размером с ладонь – в надежде, что хоть что-то да пригодится. И упорно продолжал убеждать себя, что это тоже работа, и работа немалая. Но разве себя обманешь? Эти кусочки грели душу все меньше и меньше, почти не оставляя надежды, что будет с этих моих потуг хоть какая-то польза.

Как-то само собой получилось, что я включил нетбук и запустил почтовый клиент. Не то чтобы я ждал каких-то писем или собирался еще поработать. Я знал, что сегодня все равно не напишу ни строчки. Просто спать не хотелось, а о том, чтобы снова вернуться к оставленному на темной лестнице герою, не могло быть и речи. Рядом не было никого, кто мог бы упрекнуть меня в малодушии и заставить работать, а с самим собой я уже давным-давно договорился.

Пришло три письма. Немало, учитывая, что обычно у меня столько и за неделю не набирается. Только было бы среди них хоть одно стоящее.

Ну чем, к примеру, меня могут заинтересовать «крупные поставки из КНР»? Что значит «крупные», и почему именно из КНР, а не просто из Китая? Дешевые трюки неумелых продавцов. Думают, что от трех этих букв в моей душе что-то непременно должно перевернуться. Так вот, дорогие, ничего не перевернулось, а равно не затеплилось и не шевельнулось. Я стер эту хрень сразу и без сожаления, догадываясь, что ждет меня в следующем письме. И не ошибся. Некая Юлия, за «смешные», по ее мнению, деньги предлагала «совершенно замечательные часы» – реплику одной весьма известной в мире элитных хронометров фирмы. Плевать. Часов я все равно не носил. С тех пор, как купил свой первый мобильник.

Все это был спам – современный высокотехнологичный мусор, которым интернет уже буквально завален. А что будет дальше? Его объемы наверняка будут только прибывать, скрывая под собой то, что можно считать хоть сколько-нибудь полезным.

Удивительно, сколько сил и средств человечество потратило на создание того, что с чистой совестью можно назвать грандиозным и по-настоящему безграничным. И как бездарно теперь оно это свое достижение использует.

А ведь было время, когда само слово «спам» не имело никакого отношения не то что к интернету, но и к письмам вообще. «Ветчина со специями» – вот что буквально оно означало.

История этой, с позволения сказать, «еды» началась в далеком 1937 году, когда одна американская фирма, «HormelFoods», выпустила колбасный фарш, изготовленный из скопившегося на складе неликвидного мяса «третьей свежести». Понятно, что сами американцы были от такого продукта не в восторге и мистеру Хормелю, главе компании, пришлось как следует попотеть, чтобы пристроить свой товар. Зато куда! Благодаря его стараниям консервы стали поставляться в военные ведомства и на флот, а во время Второй мировой войны оказывались в рационе не только американских, но и союзнических войск.

Возможно, со временем значение этого слова и сошло бы на нет, но в новой истории оно получило мировую, без преувеличения, известность. В своей культовой книге «1984» Джордж Оруэлл буквально увековечил «розовые кусочки мяса», создавая у читателей всего мира проч-

ную ассоциацию «спама» с чем-то отвратительным и неизбежным. Он, конечно, знал, о чем писал.

Окончательную же судьбу слова «спам» определил случай, произошедший в 1993 году. В одну из конференций компьютерной сети Usenet – прототип современных чатов и форумов – администратором, по ошибке или намеренно, было отправлено две сотни сообщений-близнецов, чему негодующие собеседники очень быстро нашли подходящее название. Неудивительно, ведь предпосылки для этого уже были. И теперь понятие «спам» неразрывно связано и с интернетом, и назойливыми электронными сообщениями. Стоит отметить, что продукция Хормеля выпускается в Соединенных Штатах и по сей день, и в рекламе, понятное дело, не нуждается.

Анонимные непрошенные массовые рассылки электронных сообщений – аналог бумажной рекламной корреспонденции, которой до сих пор набивают обычные почтовые ящики, рекламируя какой-нибудь товар или услугу. Главное – донести информацию до максимального числа адресатов при минимальных затратах. Интернет подходит для этого идеально. Он безграничен, а значит, безгранична и его аудитория. Он дешев, и поэтому спам на сегодняшний день самая эффективная реклама, на которую есть спрос и которая сама по себе уже является неплохим бизнесом.

Важен ли при этом состав аудитории? Ее интересы или предпочтения? Вряд ли. Спамеры рассылают огромное количество сообщений, наживаясь на тех, кто им отвечает, все чаще даже не преследуя ни рекламных, ни коммерческих целей, а используя свои рассылки для накручивания счетчиков посещения на сайтах, проведения фишинговых атак и распространения вредоносных программ.

Платные звонки, реклама денежных пирамид, незаконный сбор информации, засылка троянов. Вам предлагают товар, но, позвонив по указанному номеру, вы получаете лишь внушительный счет за телефонное соединение. Вам обещают баснословные барыши, но просят предварительно перевести незначительную сумму. Под видом оформления заказа о вас собирают подробную информацию или просто воруют пароли с вашего компьютера. Вы получаете ссылку на сканер-антивирус, за которой на самом деле может скрываться вредоносная программа.

Подобное уже не редкость даже для абонентов сотовой связи. «Получи подарок!» – это уже не просто назойливое SMS-сообщение. Ответ на него чреват немалыми проблемами, и потеря средств со счета не самая большая из них. Незадачливая жертва и сама может стать инструментом для совершения незаконных действий в отношении других абонентов и даже знать об этом не будет. Пока не придет время отвечать.

А интернет-издания уже всю пестрят заголовками:

«Индия – мировой лидер по объему исходящего спама»

«Серверы Applei Cloud могли быть скомпрометированы»

«Спам-кампания в Twitter нацелена на Android»

«Мошенники рассылают вредоносный спам от имени PayPal»

«Абоненты мобильной связи стали жертвами массовой спам-рассылки»

«Лаборатория Касперского отчиталась о мартовском спае»

«Адреса электронной почты американских военных продаются в сети»

«Стерильные форумы»

«Лига избирателей сообщила о взломе своей электронной почты»

«Спам-сообщения инфицировали компьютеры американских налогоплательщиков»

«ICO разоблачило английскую компанию, разославшую тысячи нежелательных SMS-сообщений»

«GFI Labs: спам – причина компрометации компьютерных систем компаний США и Великобритании»

«В Facebook¹ зафиксирована новая спам-кампания»

«Sophos: Американские налогоплательщики подверглись спам-атаке»

«Вирусы-шифровальщики – продукт антивирусных лабораторий»

«На кого работают спамеры?»

Практически все свои усилия спамер тратит впустую, но, тем не менее, оптимизма не теряет. Он готов браться за все, даже за давно забытые форумные темы. Оказывается и там есть чем поживиться, ведь человек, который ищет информацию, делает это не сам. Он лишь вбивает текст запроса, порой весьма вольный, в строку поиска, перекладывая всю работу на поисковые системы, которые, не разбираясь особо в тонкостях свободной формулировки, вываливает на пользователя все, что хоть мало-мальски подходит под его запрос. И все потому, что такие ссылки для грузных и неповоротливых китов-поисковиков не более чем обычный планктон.

Заглатываясь терабайтами в спешке, эта информация так и оседает на серверах практически необработанной. По сути, бесполезным грузом. И тут возникает проблема. На первый взгляд, она вроде бы и не видна, но решать ее все-таки придется, вероятнее всего, следующим поколениям.

Дело в том, что возможности современной вычислительной техники, и в особенности облачных технологий, таковы, что уже сейчас вся произведенная человеком информация, и даже та мелочь – необработанная, бесполезная, собранная впопыхах и многократно продублированная на всевозможных ресурсах, – имеет все шансы на настоящее бессмертие.

Отработав считанные годы, компьютер неизбежно отправляется на свалку, медленно превращаясь там в ржавую труху или идет на переплавку. Но то, что было за это время создано на нем, не то что не исчезнет, даже не потускнеет.

Человечество убийственными темпами продолжает наращивать этот бесполезный объем и рискует захлебнуться в инфожиже, опрометчиво оставляя решение этой проблемы на потом.

Но найдется ли среди людей тот Геракл, который сможет навести в этих информационных стойлах хоть какой-нибудь порядок? И не приведет ли такая беспечность к тому, что густо сдобренная вирусами сама инфосфера явит нам новую форму жизни? Взбунтуется и в результате цифрового апокалипсиса породит нечеловеческий, неоднократно предсказанный и воспетый человечеством машинный разум, поведение которого невозможно будет предсказать...

Конечно, все это слишком фантастично, но как минимум не исключает появления новых профессий и сообществ. Вроде субкультуры энтузиастов инфодиггеров или чего-нибудь более благородного – сетевой, информационной археологии. А почему нет?

Последнее письмо было довольно пространное, написанное на английском, и не шло ни в какое сравнение с предыдущими. Это было почище хронометров.

«Dear Friend...

я Дэвид Боуэн, главный сотрудник инспекции грузов Дипломатического фонда ООН международного аэропорта Лондона Гатвик. Во время осмотра я обнаружил груз, который за 12 месяцев так никуда и не был отправлен. Я решил его проверить, и оказалось, что стоимость груза, металлического контейнера весом около 180 кг, не указана. Я считаю, что груз был оставлен, так как содержимое было указано как личные вещи, вероятно, чтобы избежать

¹ Запрещена на территории РФ

утечки информации. Дальнейшее расследование показало, что отгрузка производилась президентом одной из коррумпированных стран. Таким образом, он решил украсть деньги из казны.

По моим предположениям, в контейнере находится около четырех или пяти миллионов американских долларов в стодолларовых купюрах. По крайней мере, это показало высокоточное сканирование. Подробная информация о грузе все еще указана в официальных документах дипломатического представительства ООН, но ни я, ни кто-либо еще не может в одностороннем порядке переместить этот багаж без человека, который будет выступать в качестве получателя. Так как данные оригинального получателя совпадают с вашими, я могу использовать новые документы отгрузки и переправить груз к вам, как к оригинальному получателю.

Если вы согласны, то я устрою доставку контейнера из этого аэропорта в ваш и вопрос безопасности беру на себя. Моя доля в этом 60 процентов, и 40 процентов для вас. Я долго искал подходящего человека, прежде чем нашел вас.

Пожалуйста, укажите ваш телефон, полный адрес, название ближайшего удобного для вас аэропорта и другие детали, которые могут понадобиться для осуществления этого проекта. Ниже указан адрес электронной почты, куда вы должны отправить свой ответ уже сегодня, в противном случае я буду считать нашу сделку несостоявшейся...

David Bowen
Gatwick International Airport, London United Kingdom».

Чепуха и бред. Или чья-то странная шутка? Как можно этому верить, и кто в здравом уме и по доброй воле расстанется с такими деньжищами? И кстати, почему именно долларов, а не евро?

Я выпал на какое-то время из реальности и пришел в себя, только когда почувствовал, что от неудобного сидения перед компьютером затекла шея.

Ладно. Пачку из ста сотенных бумажек я себе представляю. Ее без труда можно положить в карман куртки или даже брюк. А это ни много ни мало – десять тысяч. Три такие пачки будут, наверное, размером с мой ежедневник, и даже меньше, что не очень впечатляет. Но миллион? Или даже два?

Как на самом деле выглядит такая куча денег, я представлял себе уже с трудом. Поэтому покрутив как следует головой, чтобы избавиться от неприятного ощущения, и попутно думая о том, что к написанному не стоит относиться всерьез, все-таки полез за справками в интернет.

Оказывается стандартная американская купюра, неважно какого достоинства, имеет размер 6,14 на 2,61 дюйма и весит 0,03 унции. В переводе на общечеловеческий и после округления выходит бумажка пятнадцать с половиной на шесть с половиной сантиметров и весом примерно в один грамм. На четверть – лен, все остальное – хлопок плюс еще немного синтетики.

В теории должно получиться что-то около восьми с половиной килограммов на один миллион стодолларовыми купюрами. Это в теории. Но до меня уже все давным-давно посчитали, и даже то, что я по неопытности упустил из виду.

На самом деле эта же сумма новенькими, непотертыми купюрами, фасованными по сто, весит порядка десяти с половиной кило. Так что вся моя доля тянет ни много ни мало на двадцать один килограмм настоящего живого веса. И с таким «портмоне» уже особо не побегаешь.

Еще я выяснил, что бывают купюры по 500, 1000, 10 000 и 100 000. Но такие бумажки в ходу только на территории США, и вывоз их за пределы страны запрещен. А последние, стотысячные, вообще никогда не покидали стен федеральных резервных банков. Но это ладно. В письме же было ясно сказано: «по сто».

Дальше я не удержался и проделал те же нехитрые манипуляции с евро. Здесь банкноты разного достоинства весили по-разному. Я выбрал самую достойную и интересную, на мой

взгляд, – пятисотенную в 1,1 грамма. Два миллиона такими тянули примерно на 4,5 кило. И это было уже совсем другое дело, учитывая, что курс евро выше доллара.

Стоп, а как же объем? Эта задачка была бы увлекательна для тех, кто в беззаботном детстве не наигрался в разноцветные кубики. Но мне подробности были не важны. Хватило и того, что миллион долларов умещался в кейс среднего размера. Главное, что всю свою долю я смогу засунуть в дорожную сумку, что валяется в углу у окна. И еще присыпать все это сверху носками. Так, на всякий случай, для маскировки.

Воображение не подвело. Сработало сразу и без осечек. Живо трансформировало стопку из пяти железных кейсов в один симпатичный хромированный куб с бронированной дверцей в заклепках и ручкой-штурвалом. Тут же, откуда ни возьмись, нарисовался, словно какой-то сказочный джинн, добродушный малый в фирменной спецовке. «Не извольте беспокоиться, к самому порогу!» – протягивает мне заветный бланк, в котором только и осталось, что расписаться... И улыбается, зараза!

Нет, определенно в этом что-то было. Такое, что даже палец знакомо зарефлексовал. Но я этот приятный зуд переборол, и ручка осталась там, где ей сейчас было самое место, – в отвалах моего бумажного Клондайка. Закинув руки за голову, я стал мечтательно разглядывать стену, как будто в этих рыжих пятнах неизвестного происхождения мне неожиданно открылась настоящая карта. Старая пиратская карта сокровищ...

Забавно, конечно, размышлять о том, что было бы, случись то-то или то-то. То есть о том, чего все равно никогда не будет. Занятие настолько же глупое, бесперспективное и совершенно пустое, насколько приятное и чертовски затягивающее. Лицо у меня при этом, наверное, сильно поглупело. Но это ничего. Кто меня сейчас видит?

Я все-таки ответил. Я просто не мог не ответить. Но сделал это несколько уклончиво, оставив себе небольшую лазейку, на случай если это действительно чей-то розыгрыш. В том смысле, что я – русский, и не совсем понимаю о чем, собственно, идет речь. Я даже не стал проверять то, что написал. Только адрес, на который должен был ответить. Мне он был не знаком.

Спать не хотелось. И вовсе не потому, что я уже выспался. Просто, после того как письмо ушло, на душе стало как-то беспокойно. Назойливая мыслишка о дармовых миллионах все не отпускала и тянула к компьютеру, к уже открытому браузеру. Мне просто необходимо было кое-что проверить.

Выделив первую строчку из письма, я скопировал ее в поисковик, и через мгновение в глубине бесконечной Цифры встрепенулось Нечто, способное за один удар своего могучего кремниевого сердца найти ответы на все вопросы. Даже на те, которые я еще только собирался себе задать. Взметнулось черной тенью, схватило наживку и тут же схлынуло, оставив на песке всю мою добычу.

Негусто. Всего четыре ссылки, три из которых вели в никуда. Я даже не собирался их проверять. Все и так было ясно – отдельные слова, взятые невзведь откуда, которые просто не складываются в искомую фразу.

Мыслей не было. Зато было острое и чистое чувство некой близкой тайны. Происходящее как-то уж слишком выходило за рамки привычного, и это приятно щекотало нервы.

Казалось бы, кликай единственную правильную ссылку и жди, что судьба подкинет тебе на этот раз и куда занесет. Но сделал я это не сразу. Только после небольшой паузы палец коснулся тачпада и тут же рефлекторно потянулся к кнопке escape. Так, на всякий случай, чтобы остановить загрузку, если что-то пойдет не так. Все. Дальше мне оставалось только наблюдать за тем, как пустую страницу заливают темным фоном и появляется текст с зеленой разметкой.

«Прикиньте, братья, чё мне тут пришло...»

Письмо я узнал сразу, и машинально отметил время, когда сообщение о нем было сделано. Позавчера. Около семи вечера. Плюс-минус пара часовых поясов в данном случае совершенно ничего не решали. Некритично.

«Это знак, чувак!»

«Какой?»

«Это приход, брат!!!»

Шутки, смайлы и оживленное обсуждение того, можно ли в такое письмецо тиснуть нужный код или «пирог» выйдет слишком уж подозрительным. Пустой треп. Судя по всему, им было неинтересно.

Я быстро пробежал глазами по теме, а потом еще раз, но так и не понял, ответил автор темы на это чертово письмо или нет.

Убогий дизайн, кислотные тона, черепа, кости и ненормативная лексика. Мрачновато, но все равно как-то по-детски. И на кого только рассчитано? Тусовка пришибленных на вирусах полудурков. То ли идейных борцов за свободу информации, то ли, наоборот, уродов, от переизбытка гормонов плодивших высокотехнологичную заразу. Так сразу и не разберешь. Но в любом случае здесь на жуткой смеси английского и немецкого здесь активно обсуждались именно компьютерные вирусы.

Хакеры любители. И хоть бы кто-нибудь спросил: «А что же ты ему ответил, брат?» Так нет, все больше про девок, железки да про бухло. А на остальное плевать. Им и друг на друга, наверное, плевать. Торчат тут просто потому, что у каждого прыщи. А простая жизнь за дверью как выход в открытый космос. Чужой, враждебный и совершенно непривычный мир. Знакомы ли они друг с другом в реале? Не знаю, но их здесь по-настоящему объединяет только одно: каждый хочет показать остальным, какой он крутой. Сидят и общаются, но как будто боятся пропустить что-то важное. А любую тему обязательно сведут к тупому ржанию и похабщине. Школота.

Ладно, чего уж там. Радуйся хотя бы тому, что тебя, бездаря и лоботряса, расшевелили и заставили немного поработать. Мозгами. Что в последнее время у тебя получается все хуже и хуже. А есть эти миллионы, или нет... Оставим пока этот вопрос открытым.

Я выключил свет, лег и попытался уснуть, прислушиваясь, как на кухне в одиночестве в пустой тишине что-то сам себе бормочет старый холодильник.

«Прикиньте, братья, чё мне тут пришло...»

«Это приход, брат!!!»

Проснулся я рано. Раньше обычного. Проснулся с ясной мыслью, что скучать мне сегодня не придется. Тем более сидеть без дела, тупо уставясь в одну точку. От подобных медитаций я уже начинал потихоньку звереть. Встал, не разлеживаясь, и позавтракал, стараясь эту процедуру особо не затягивать. А завершив привычный утренний моцион – чего не делал уже давно – сразу сел за работу.

А ведь я почти сдался. Совсем опустил руки, уверенный, что никаких моих усилий не хватит, чтобы изменить ставший привычным порядок вещей. И вот удача. Спам, который в наше время, считай, что ничего не стоит, для меня оказался просто находкой. Не знаю, какому сумасшедшему взбрело в голову написать это дурацкое письмо, но я был ему сейчас искренне благодарен.

Нет, в самом тексте письма я не увидел ничего такого, что можно было бы перенести в книгу. Разве что использовать саму идею как основу для следующей. Но та наглость, с которой оно было написано, навела меня на одну интересную мысль. Довольно неожиданную.

Впервые за столько дней застоя локомотив под названием «Воображение», который я безуспешно пытался вытолкать из тупика, неожиданно сдвинулся сам. Изрыгая клубы густого, черно-смоляного, пусть пока еще бесполезного дыма и снопы искр, он уже набирал обороты, явно собираясь снова прогреметь своей неизмеримой мощью.

Я только теперь понял, чего мне все это время не хватало. Вернее, не мне, а моему герою. И сейчас это было так же очевидно, как и то, каких объемов работу мне предстоит сделать. Достаточно было лишь разок посмотреть на проблему по-новому, как все сразу стало на свои места. Ниточка, которая еще недавно связывала меня с собственным произведением и так неожиданно оборвалась, наконец-то блеснула, как лесная паутина бисером влаги на солнце. И конечно, не там, где я ожидал ее увидеть.

Все дело было в персонажах. Тот, кого можно было бы назвать главным героем, был в целом неплох и в чем-то даже интересен. Он совершал поступки и делал это искренне, без фальши, но действовал лишь в рамках, которые устанавливал ему я. Я управлял им напрямую, и это было ошибкой.

Я должен оставаться за кадром. А дергать за ниточки – главный мерзавец, злодей и провокатор. Действуя при этом из своих собственных, пусть мне пока еще и непонятных побуждений. Вот так настоящий сюжет должен играть своими героями.

А у меня злодей был откровенно никакой. Просто никакой, и теперь это стало очевидно. Он существовал в моем мире, но как бы сам по себе и творил свое зло без цели, просто так. Что было банально и превращало ключевого персонажа в ширму, которая сама по себе не интересна, а главный герой на ее фоне оставался один. Плохо. Такой персонаж мог испортить любой, даже самый захватывающий сюжет. Превратить его в фарс и сделать скучным.

Главному герою нужен соперник помасштабней. В конце концов он этого заслуживает. Злодей, алчущий медяков, не вызовет ни уважения, ни страха. Но личный мотив – совсем другое дело. Женщина! И лучше, если она погибнет. В самом начале – чтобы не пришлось с ней долго возиться и много переписывать. А мой самый главный, самый положительный герой будет иметь к этой смерти непосредственное отношение. Вот тогда все будет по-настоящему. Это естественно, понятно и легко объяснит личную неприязнь и, главное, мотив. Такой злодей вызовет если не уважение, то как минимум понимание и сочувствие. А это уже полдела.

На глаза попало написанное вчера – кусок вымученный, слабый и жалкий. А ведь я видел его таким еще вчера, но за неимением лучшего продолжал цепляться за него до последнего, надеясь вытянуть из него хоть что-то. Нет, теперь этому убожеству в моей книге не место, и переписывать его я уже не буду.

В руке зашуршал скомканный лист, и сразу стало легче. Я понимал, что поступаю правильно, и останавливаться не собирался. Это был гнет, который не просто давил. Он делал желанное недоступным, мешал идти к цели, сковывал. И от него пришло время избавляться.

Теперь много чего придется выбросить, а то, что останется, переписать. Тщательно и возможно не раз, чтобы все окончательно выправить. Правда, пока не ясно, как долго, но это сейчас не главное. Куда важнее, что в конечном счете окажется на полках книжных магазинов. Пылиться среди прочих в мои планы не входило.

Пустое и пресное жизнеописание туповатого героя вряд ли кому-то придется по душе. А чтобы зацепило, писать нужно так, как никто до этого не писал. Это над каким-нибудь учебником истории можно особо не ломать голову. Перечисляй даты, всем давно известные, да вставляй по мере надобности сухонькие комментарии. Слова – чем проще, тем лучше. Ни сюжетов, ни фабул. И герои все давным-давно известны. Ничего лишнего.

Жанровая литература – совсем другое дело. Куда более тонкое и трудоемкое. Тут уж, хочешь не хочешь, а придется здорово попотеть, чтобы не только найти нужные слова, без которых никак, но и расставить их по местам, мучительно подбирая каждому свое. Хороший, добротный стиль может обеспечить интерес к книге лишь одним своим наличием. И это уже независимо от жанра.

Настоящий равнодушный писатель готов потратить на книгу годы – два, пять, а то и десять, сознательно обрекая себя на каторжный труд многократного переписывания только для того, чтобы передать свои эмоции в полной мере, каждый раз, находя что-то новое, подбирая синонимы не только к отдельным словам, но и к действиям – поступкам, мотивам. Порой даже без оглядки на то, что было сделано раньше. Так работали Бальзак и Мопассан. И так Булгаков создавал «Мастера и Маргариту». Брал чистый лист бумаги и писал всю главу заново, словно ничего до этого не было.

Почему так легко читать Хемингуэя? Да потому что не ленился и отдельные эпизоды переписывал по тридцать-сорок раз, добиваясь желаемого результата. И ведь выходило. И не просто выходило, а так правдоподобно, что все теперь в один голос признают: «Хемингуэй – гений!»

Дважды звонил телефон. И будто бы кто-то терся о входную дверь. Не стучал и не ломился, а именно терся, словно проверяя на прочность. Не дверь, конечно, а меня. Но было не до того.

Я наводил порядок на столе. Кромсал черновик по-крупному, выбрасывая все, что мне не нравилось. И то, что уже никакими ухищрениями не вытравить и не исправить. И то, что, наверное, еще можно было спасти, но с чем возиться было лень. Я даже думать не хотел о последствиях. О том, что пожалею об этом своем решении. Ну о чем тут жалеть? «Он стоял у окна и был напряжен»?

Зато я знал, чем это можно заменить и, заполняя пустоту, оставлял массу пометок, как там все должно быть на самом деле. Я хотел эмоций и, словно отыгрываясь за все, что упустил в своей жизни, от души сдабривал сцены сочными разборками, безрассудными поступками и женщинами, смелыми и щедрыми во всех отношениях. Теперь это делать было намного легче.

Я не собирался писать новую историю. Я просто подменил героя собой и с удивлением обнаружил, что все стало получаться, и получаться неплохо. Я не ограничивал себя ни в чем. Я больше не думал, что должно случиться в данный конкретный момент и чем закончиться. Я писал о себе. О том, что хотелось бы мне, и финал этой истории становился не таким уж предсказуемым. При этом я отчетливо сознавал, что с каждым новым абзацем вернуться в рамки прежней истории будет все сложнее. Но у меня и цели такой не было. Я просто не мог остановиться.

Я примерял эту историю на себя. С интересом и стыдом, как будто что-то чужое или неприличное. Но уже понимал, что так сделаю куда больше. Необычное чувство. Пока это была только шкура главного героя. Но и другая, темная, ждала своего часа. С ней еще не все ясно. И для этого нужно было время.

Когда перезвонили в третий раз, я не выдержал и решил, что, пожалуй, нужно ответить. Отложил бумаги в сторону и потянулся за телефоном.

- Глеб? – это был Антон, и чем-то сильно недовольный. – Ну и какого черта?
- А что случилось?
- Ты это у меня спрашиваешь?
- Звонишь-то ты. Или это не ты был?

В трубке засопели. А может быть, только вздохнули и недовольство мне это только показалось. Я заметил упавшую «скорочку», подобрал и, не читая, положил на стол.

– Я. А ты чего трубку не брал?

– Извини, работал.

– Ах, работал. – Послышались треск и звуки, которые можно было трактовать по-разному, но я решил, что пусть это будет его очередной сдержанный вздох. – Ну и как работа?

– Да ты знаешь, вполне. Давно так не работал.

– Ах, даже так... Жаль. А то у меня тут к тебе как раз небольшое дело...

– Слушай, давай не сейчас, а? В кои-то веки...

– Я не понял, тебе что, деньги не нужны? – похоже он был озадачен.

Я потер переносицу и поморщился:

– Да причем тут деньги?

– Значит, не причем? Ну, понятно. А что же тогда «причем»? Славы захотел? Лавры Гомера покоя не дают и все такое? Еще не успокоился?

Выслушивая все это, я посмотрел под ноги, на случай еще какой-нибудь находки. И подумал: а какого, собственно, лешего?

– Послушай...

– Нет, это ты послушай. Просто пока послушай и постарайся не перебивать. – Он вздохнул, и теперь это было слышно совершенно отчетливо. – Я хочу, чтобы ты сейчас уяснил кое-что. Если ты не возьмешься за эту работу, то я без труда сегодня же найду того, кто сделает ее без лишних слов и на моих условиях. Твою работу, заметь. Я все равно получу то, что хочу, возможно, даже быстрее и дешевле. Но ты потеряешь хорошие деньги.

Он снова вздохнул и немного сменил тон:

– Пойми, я сейчас звоню не как издатель. Я звоню как друг, который хочет тебе помочь. Брось дурить. Просто сделай эту работу, а потом поговорим. Если захочешь...

Если захочу? То есть он всерьез считает, что я стану плакаться ему в жилетку? Спорить с ним на эту тему мне сейчас совершенно не хотелось. Я молчал, давая ему возможность выговориться. Пауза несколько затянулась, и он истолковал ее по-своему:

– Послушай, написать книгу – это ведь полдела. Даже четверть. Потому что если ты и напишешь книгу, хорошую книгу, то все равно не получишь от нее того, чего хочешь. А ведь ты не ради денег ее пишешь, верно? Ну, я так и думал. Так вот – ничего ты не получишь от этой книги. По крайней мере, сразу. Понимаешь? Да нет, ни черта ты не понимаешь. Просто потому, что не хочешь понять. А ведь я эти книги издаю. Весьма успешно, между прочим, издаю и, значит, знаю, о чем говорю. Поэтому хочу тебе кое-что объяснить.

Если ты думаешь, что трудности закончатся, как только ты поставишь последнюю точку, то ты ошибаешься. Именно с этого момента обычно все только начинается. Потому что книгу еще нужно продать, а это, между прочим, самое главное.

Я опустил то, что для тебя сейчас вероятно неважно. То, *как* твоя книга окажется на полках книжных магазинов. Это отдельный разговор и уверен, что ты не хочешь об этом даже думать. Хорошо, просто оставим эту работу мне. Замечу только, что работают в этих магазинах далеко не дураки. И, уж поверь мне, сорок раз подумают, прежде чем взять книгу никому неизвестного автора. Твою, между прочим, книгу.

Давай опустим все эти неприятные мелочи и перейдем, наконец, к главному. К тому, что за книгу в конце концов нужно получить деньги. Да-да! Книгу только тогда можно считать успешной, когда за нее получаешь деньги. Живые деньги – звонкую монету или шуршащую купюру. Конечно, они тебя сейчас не интересуют. В смысле деньги. Уверен, ты даже торговаться не будешь и, возможно даже готов приплатить, только бы увидеть ее поскорее в обложке. Но не обольщайся.

Самое скверное в твоей ситуации, что этим ты никак своей книге не поможешь. Просто никак. Если ее все-таки возьмут и напечатают, то дальше тебе останется только наблюдать за тем, *как* ее покупают. Или *не* покупают. Вот об этом я и хочу тебе рассказать. Ты хоть раз задавал себе вопрос, кому она интересна, эта твоя история? Ну, кроме тебя, естественно. Или думаешь, что книгу твою станут читать только потому, что она нравится тебе самому и ты здорово все описал? Так вот знай, именно поэтому ее не то что покупать, даром читать не станут. А знаешь почему? Потому что ты ее написал для себя, а значит, о том, что интересно лично тебе.

Да только всем плевать, что думаешь ты. Ты читателю неинтересен. По крайней мере, до той поры, пока не станешь знаменитым. Книга может быть неплохой, и даже хорошей, но твоя история ему точно не нужна. Ему даже не нужна история о нем самом, хотя он этого, вероятнее всего, даже не осознает. В таком мире ему будет совершенно нечего делать и быстро надоест.

Ему нужно то, что существует само по себе. Независимый, самодостаточный мир, чужой и непривычный для него, куда он может заглянуть, нырнуть, погрузиться. И поискать там для себя что-то новое и интересное. То, чего нет и, скорее всего, не будет в его серой, обычной, опостылевшей жизни. Мир для него одного, где он не потерпит чужого присутствия и даже намека на него. Ты уверен, что можешь предложить ему такой? А вот это ему будет интересно. Вот это он читать станет и купит. Может быть, наверное, по сходной цене. Да и то, если денег хватит. Но если он по какой-либо причине,неважно по какой, вернет книгу на полку – все. Считай, что ты проиграл. Потому что второй раз в руки он ее уже не возьмет. Конечно, бывают и исключения, но думаю это не твой случай.

Продавать нужно сразу, сходу. Чтобы первое впечатление о книге оказалось сильнее желания пойти в кино или кабак и там оставить ту же примерно сумму, но немножко за другие радости. Но если там клиенту еще можно хоть что-то навязать, тонко подогрев интерес к чему-то конкретному или просто уболтав, то у тебя такой возможности уже не будет. Тебе останется только наблюдать за происходящим со стороны, надеясь на простую благосклонность. А поскольку читатель тебе лично ничего не должен, то наблюдать ты, скорее всего, будешь, как он выбирает совершенно другие книги. Те, которые ему, безусловно, нравятся. Те, которые для него печатаю я, потому что нутром чую, что и в какой момент ему нужно.

– Но ты даже не знаешь о чем...

– Нет уж, уволь! Избавь меня, пожалуйста, от этих подробностей! Я ими сыт. Здесь, на работе. Так что не будем превращать этот разговор черт знает во что. Я, конечно, понимаю, что без конца переводить чужое нелегко. Поневоле захочется чего-нибудь своего. Но ты не писатель. Будем реалистами. Ты хороший переводчик со своим стилем, который мне даже нравится. Но не более того. И памятник за эту книгу тебе точно никто не поставит. Хотя за упертость свою ты его определенно заслуживаешь.

И вот тут хочу тебя предостеречь. Если ты решил кому-то что-то доказать, достучаться до кого-то и показать, какой ты крутой, то лучше брось. Потому что именно тут тебя и ждет самое большое разочарование. И совершенно неважно, что ты хотел этой книгой сказать. Тебя все равно никто не услышит. А если и услышит, то, скорее всего, не поймет и просто пожмет плечами. Может быть, он даже напряжется, напыжится и, в крайнем случае, пукнет от возмущения. Но этого, в свою очередь, уже не услышишь ты. Потому что будешь сидеть дома и бухать от расстройства чувств, понося и себя, и свое творение за то, что тебе так и не присудили за него шестнадцать престижных международных премий по миллиону долларов каждая. – Он перевел дух. – Неужели оно того стоит?

– Ладно, я все понял. Не понял только одного: ты из-за этого и звонил, прополоскать мне мозги?

– Нет, что ты! Я всего лишь хотел убедиться, что ты, по крайней мере, еще не... не помер с голоду. А когда до этого дойдет, не сочти за труд – проверь почту. И если до конца недели ты не дашь ответ, которого я жду, то будем считать, что этого разговора вообще не было.

Больше он ничего не сказал. Положил трубку, давая мне возможность все как следует переварить. В целом все было предельно ясно. Если не поспею в срок – одежда превратится в лохмотья, карета в тыкву, а на лбу появится надпись «Ну и дура же ты, Золушка!» Вот только чего он так завелся?

Зря я, кажется, ответил. Это была еще не ссора, но от разговора отчетливо пахло ультиматумом. Во всяком случае, мне ставили условия, на которые я был не согласен.

Конечно, у нас с ним и раньше случались всякого рода конфликты. Но до такого вроде не доходило. Наверное, потому, что каждый раз находил повод уступить, и чаще всего у меня. Но в этот раз я уступить не собирался. Вот только письмо...

Я потянулся к нетбуку, собираясь поскорее с этим покончить. Но, открыв почту, понял, что планы меняются.

«Привет! Твой ответ для меня большая удача. Но ты ничего о себе не сообщил. Чем скорее ты выполнишь мои условия, тем быстрее мы осуществим наш проект, а ты получишь свою долю. \$2000000 – отличный подарок, согласишься!»

Кстати, мне очень приятно, что ты из России. Мы почти соотечественники. Сам я никогда у вас не был, но мой отец родом из Свердловска. Кажется, так назывался этот город, когда мои дедушка и бабушка эмигрировали в Британию, чтобы избежать репрессий. Это длинная и запутанная история. Я обязательно ее тебе расскажу, но сначала о деле.

У нас с тобой не так много времени, как хотелось бы. Контейнером заинтересовались. Я пока не знаю, кто именно. Возможно, это именно те люди, которым он принадлежит, но полной уверенности у меня нет. Если ты не будешь затягивать и немедленно сообщишь необходимую информацию, то через два дня наш контейнер окажется в твоём порту, а значит, в безопасности. Не подведи. Жду ответа. Дэвид».

Письмо пришло еще вчера и было написано по-русски. Последнего я никак не ожидал и теперь просто не знал, что со всем этим делать.

Я встал и подошел к окну, чувствуя, что о работе на сегодня можно забыть. Солнце светило вовсю, но я никак не мог сообразить, который час. Было хорошо слышно, как на улице кто-то разговаривает, щебечут птицы и неподалеку шумит шоссе. Потом завели машину, и все другие звуки пропали, словно их и не было.

Все это как-то странно и слишком похоже на сон, чтобы быть правдой. Сон, который вот-вот должен закончиться. Чем-нибудь неожиданным. Каким-нибудь хлопком или вскриком – и пробуждением. В этой же чужой темной квартире задолго до рассвета, со сбитым одеялом, мятой подушкой и маятой на старом чужом диване до утра. А день, конечно же, опять пройдет впустую.

Ну и как мне ко всему этому относиться? Бывший в некотором смысле русский, пытаюсь повернуть свою безумную аферу, попадает на меня и просит помощи, предлагая за ничемную, в общем-то, услугу целых два миллиона баксов. И какова в этом случае вероятность, что, дорвавшись до своего богатства, он честно поделится со мной?

Я опять не знал, как быть. С одной стороны, Антон со своими наставлениями, который вытряс из меня все мысли. А с другой, эта дурацкая авантюра с письмом, которая не только решила мою главную проблему, но и сулила в перспективе кое-что поинтересней. Конечно,

глупо верить в подобные вещи, но раз уж эта история получила продолжение, то почему бы не воспользоваться ситуацией?

Я попытался найти хоть одну объективную причину забить на это странное письмо, но, к немалому своему удивлению, не нашел. И неожиданно понял, что отчаянно не хочу просыпаться. Мысль о богатстве приятно будоражила воображение, и от таких ощущений я не собирался так просто отказываться.

Всем нам в этой жизни везет. Кому-то больше, кому-то меньше. Но кому-то судьба-фортуна улыбается чаще и в некотором смысле шире, чем другим. Как Антону. За что не возьмется, все у него выходит так складно, будто наперед знает, что будет. Как будто кто-то или что-то специально ему помогает.

Но что это за субстанция такая? Как она определяет, кому дарить удачу, а кому нет? И что с ней происходит потом, когда кто-нибудь из ее любимчиков помирает? Помирает по вполне естественным причинам. Ведь даже самым удачливым приходится покидать этот мир.

Уходит ли она с ним, растворяясь навсегда, и зарождается заново в очередном избраннике? Или все-таки кочует, как вирус лишенный носителя, от одного горемыки к другому, даря каждому призрачные надежды, пока в конце концов не доберется до счастливого, которого по-настоящему обласкает?

Почему люди вообще верят в такие вещи? В судьбу, в провидение, в удачу? В бога, наконец? Ведь если разобраться, все это не более чем просто законы природы, которые независимо от того, верят в них или нет, делают свою работу. При желании их, конечно, можно одушевить, наделив человеческими качествами, приписывая им злобу и жестокость, мстительность и пристрастность, но от этого они не перестанут быть только правилами, по которым этот мир существует.

Был ли это мой разъединственный реальный в жизни шанс разбогатеть, я понятия не имел. Но, с другой стороны, и для того, чтобы отмахнуться от него, мне тоже нужны были причины. Веские. Отказываться от него я так просто не собирался. Ведь денег за эту, безусловно, сомнительную сделку с меня не просили. И значит, соглашаясь на нее, я ничего не терял. А вот выгода была: под впечатлением от происходящего работа шла, и шла неплохо. А все остальное меня сейчас совершенно не волновало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.